

Литературная газета
28 марта 1961.

НА СЦЕНАХ
ТЕАТРОВ

ЗДРАВСТВУЙ, АННА!

НА СЦЕНЕ Калининского драматического театра — решительная, напористая, энергичная Анна Калинина, с которой мы впервые познакомились года два назад в романе Бориса Полевого «Глубокий тыл». Рецензию на спектакль калининцев, недавно показанный москвичам в Кремлевском театре, хочется начать именно с Анны не только потому, что роль этого талантливого организатора и вожака рабочей массы, сумевшего овладеть сложным искусством партийной работы, постичь ее поэзию, хорошо сыграла артистка Н. Парахина. Образ Анны, как мне кажется, особенно дорог писателю. К Анне сходятся многие сюжетные линии романа. Ей писатель доверил дорогие ему мысли. Удалась Анна — удался спектакль. Анна — его живой нерв.

На сцене, как и в романе, характер Анны воплощает лучшие черты народного характера в годы величайших военных испытаний. Это натура удивительно целевая и в горе, и в радости, и в работе, ничего не умеющая делать впосилы. Такой и рисует свою героиню актриса.

Конечно, нелегкое это дело — уложить большой, многоплановый роман, где перекрещиваются многие человеческие судьбы и действие расходитсЯ по многим руслам, в рамки трехактной пьесы. Тут самоограничения неизбежны, неизбежны и огорчительные потери. Авторы пьесы «До свидания, Анна» Б. Полевой и С. Радзинский исключили, к примеру, из сюжета всю линию семьи Шаповаловых, вынули историю мастера Арсения Курова и усыновленного им мальчонки, свели к минимуму историю отважной девушки-разведчицы и немца-антифашиста Курта, кое-где пожертвовав для этого важными психологическими мотивировками. И все же героям просторного романа тесновато в одном спектакле. Порой на сцене образуется «толчея» лиц, событий. Эпизоды словно бы набегают один на другой. Мне кажется, что зрители, раньше не читавшие романа Полевого, так и не успевают разобраться в сложных взаимоотношениях Жени и Курта. Вряд ли им даже запомнится имя Георгия Узорова, неверного мужа Анны, хотя в романе он несет свои важные функции. Очень проигрывает образ Прасковьи Калининой из-за того, что о ее самоотверженном поступке мы узнаем лишь в беглом пересказе.

Но нас захватывает в спектакле главное — красота народного подвига. В разгар войны всего в нескольких десятках километрах от линии фронта коллектив рабочих-ткачей принимается за восста-

новление разрушенной гитлеровцами текстильной фабрики, в нечеловечески трудных условиях начинает изготавливать продукцию для фронта. И всегда в самой гуще рабочего коллектива — Анна, Анна со своей собственной нелегкой судьбой, но всегда озабоченная судьбами других и как чуткий партийный воспитатель умеющая припасти для каждого сердца свой особый «каючик».

Подвиг земляков-калининцев актеры театра воскресли, ничего не приукрашивая и никак не преуменьшая трудностей. Они будто заново переживают и фронт, и войну, и возвращение из эвакуации, и радость восстановления родного города. То, о чем говорится в романе Бориса Полевого, было с ними самими, с их близкими, с их товарищами и друзьями. Это их жизнь. Это страницы их биографии. Вот почему любая натяжка, любая аффектация режут в этом спектакле глаз и слух. А игре актеров, к сожалению, часто недостает простоты и естественности. В сильных драматических сценах, где сдержанность, быть может, была бы уместней всего, они сбиваются на крик, на облегченные, мелодраматические приемы игры. Дурная театральность нередко портит прямые обращения актеров со сцены к зрительному залу. Она мешает артисту Г. Малышеву, исполняющему роль механика Лужникова, А. Федоровой, играющей сына Анны Вовку. И даже Н. Парахина, которая создает живой и цельный образ Анны, порой излишне слезлива.

Героика присуща этому спектаклю. По-своему она проявляется в самоотверженном порыве рабочих-ткачей. По-своему — в поведении Анны. По-своему — в поступках молоденькой, неугомонной ткачихи Галки, которую с такой искренней увлеченностью играет Н. Хонина. Галка и ее неразлучная подружка Зинка (В. Ямчинова) создают в спектакле отличный дуэт. По-своему героическое проявляется в характере и поведении старой ткачихи Перчихиной (Н. Гончарова). Перчихина как будто и не совершает ничего особенного. Но легко ли, преодолев собственную робость и застенчивость, увлечь людей на трудные дела? Все краски — от героической романтики до светлого юмора — естественно соседствуют в этом спектакле, просто и экономно поставленном главным режиссером театра Г. Георгиевским. А вот пафос, искусственный, аффектированный жест никак не выражают подлинно героических событий и дел, о которых рассказывает в своем романе Борис Полевой. Поэтому и хотелось бы пожелать калининцам большей строгости в самом стиле исполнения.

Калининский драматический театр проявил хорошую инициативу, первым поставив пьесу по роману Полевого. На это он имел все права. Но спектакль Калининского театра, вероятно, только начал сценическую жизнь Анны Калининой.

Б. ГАЛАНОВ